Сергей Бушков

ГОДЫ

СТИХИ

1958

Сан Франциско.

Сергей Бушков

ГОДЫ

СТИХИ

1958
Сан Франциско.

РУСЬ.

Всего три буквы, в этом слове,
Что светит в нашем сердце — Русь.
В судьбою, созданной мне доле,
Я от него не отрекусь.

Пусть мной потеряны родные,
Со смертью встретились друзья,
Те буквы три — всегда святые,
В их сочетаньи — жизнь моя.

В земном пути, я в миг прощальный,
Прошедшей жизни улыбнусь,
Пошлю тебе Отчизне дальней,
Тебе привет последний, Русь.

О РОССИИ.

Россия есть, была и будет,
Сказать нельзя, России нет,
А кто борьбу ее забудет,
За эти тридцать страшных лет.

Как жалок тот, свои кто муки,
Сравнил с ее недугом злым,
В ее беде умыл кто руки,
Развеял прошлое как дым.

Что в жизни ты — одно мгновенье,
А жизнь России — сотни лет,
В ее мы верим возрожденье,
Как завтра в утренний рассвет.

О ПЕТЕРБУРГЕ.

Ты сердцу русскому так дорог,
Петровским гением рожден,
Ты мной любим родимый город,
С тенями царственных времен.

Здесь все полно воспоминаньем,
Искусств, поэзии, труда,
Где муза ласковым дыханьем,
Была так щедра в те года.

Идя по улицам столицы,
Читаешь дивные страницы,
Былых, имперских лет красу,
России пышной, полосу.

Здесь основатель Петр-строитель,
Вздыбился в бронзе над Невой,
Его порыв, был вдохновитель,
Державы Русской, молодой.

На Невский царственно взирает,
Царица. Русской славы мать,
И пьедестал здесь окружает,
Орлов могучих, русских рать.

Судьбы России вспоминая,
Смотрю на памятник Барклая,
Кутузов. В памяти народа,
Война двенадцатаго года.

Онегин жил здесь жизнью праздной,
Страдал Раскольников несчастный,
«Что наша жизнь — игра», пел Герман,
А Лиза бедная страдала,
Где мост у зимнего канала.

Но много выше над дворцами,
Исакий с куполом златым,
Залит вечерними лучами,
В красе своей неповторим.

Мигают ночью над Невою,
Огни гирляндой на мостах,
Внизу светяся полосою,
На вдаль стремящихся волнах.

Светлы, прозрачны покрывала,
Любимых городом ночей,
Где белой ночью все дышало,
Весенней бурею страстей.

И несмотря на все туманы,
И холод Ладожских ветров,
Девицы также здесь румяны,
Как девы южных городов.

Теперь я лишь на акварели,
Смотрю творении Расстрели,
Аничков мост, с конями Клодта,
Заставы, Нарвские ворота.

Потомки наших поколений,
Прочтут в тебе не без волнений,
Страны страницу золотую,
Для русских, вечную, живую.

Тоскуя здесь, вдали в изгнаньи,
Я шлю тебе одно признанье,
Живя последние года,
Люблю тебя, как никогда.

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ.

Мы были в годы рождены,
Пред страшным лихолетьем,
Дороги жизни пройдены,
Двадцатаго столетья.

Дороги были не ровны,
А жизнь была — нарывы.
Мы шли чрез ужасы войны,
И революций взрывы.

И редко радость жизни нам,
Была, как гость случайный,
А слезы часто по ночам,
Кончали день печальный.

Сияет мир своей красой,
В нем жизнь есть — утвержденье,
А человечество враждой,
Идет к уничтоженью.

И эгоизм в наш лютый век,
Добро из сердца выжжет,
Большое слово — Человек,
Лишь с малой буквы пишет.

БЕЗ ЗАГЛАВИЯ.

В июльский полдень знойный,
В дорожной весь в пыли,
Шел путник утомленный,
А туча, шла вдали.

Навстречу, с каждым шагом,
Сближалися они,
Уж молния зигзагом,
Сверкнула впереди.

Казалось: дождь прохладный,
Отраду даст земле,
И был уж луч отрадный,
На путника челе.

Но туча обманула,
Дорога вновь в пыли,
Лишь ветерком дохнула,
В уста сухой земли.

Так часто наши грезы
Обманывают нас,
А боль смывают слезы,
Пролившиеся раз.

Пусть все погибло, все жестоко смято,
Я все перенесу, не упаду.
Одну хранить до смерти буду свято,
Мою я веру, в Родины судьбу.

Пройдут года, пройдут мученья, боли,
Тяжелые, вновь раны заживут.
Свободная ты встанешь из неволи,
И радостью там лица зацветут.

ОСЕНЬ.

Как сумерки, с вечернею зарею,
Чарует осень тишиной,
Когда береза желтою листвою,
Сверкнет на зелени лесной.

Когда на юг к теплу стремятся птицы,
Чертой прорезав небеса,
Смотрю им вслед, уж скрылись вереницы,
Где горизонта полоса,

Чтоб там вдали, средь сказочной природы,
Грустить, мечтать лишь об одном,
Когда в обратный путь в леса, на воды,
В полет, построенным углом.

Уж листья падают кружась на землю,
Отживши свой короткий срок.
И мертвому их шелесту я внемлю,
Что смерть для всех, есть общий Рок.

Земля плоды отдала человеку,
На гумнах песнь от молотьбы,
И люди рады позднему рассвету,
Ведь это отдых за труды.

Дни в октябре становятся серее,
И дождик чаще за окном,
А солнце осенью спешит скорее,
Проститься с сереньким деньком.

Пусть на дворе осеннее ненастье,
Я осенью живу в мечтах,
О будущей весне, о майском счастье,
Когда черемуха в цветах.

ЛЕТО.

Здравствуй лето золотое,
С морем спелой ржи,
Утро с чистою росою,
Первый луч в тиши.

Еще утро не проснулось,
Чуть-чуть край зари,
А рука уж размахнулась,
Косят косари.

Луг напоен ароматом,
Скошена трава,
Редкозвездное с закатом,
Небо — синева.

Днем рассыпаны по полю,
Ситцевы цветы,
Знает лето бабью долю,
Вяжутся снопы.

А возы пылят дорогу,
Груз снопов тяжел,
Ведь с молитвой пахарь к Богу,
Сам за плугом шел.

Кормит Русь народ сермяжный,
Пахарь — хлебороб,
А питают клин запашный,
Труд его и пот.

Своей долей не гордится,
Труженик родной,
Когда в поле колосится,
Хлебец наш ржаной.

ЗИМА.

Сегодня, рано встав с постели,
Она увидела в окне,
Снежинки весело летели,
Уж на яву, а не во сне.

И вместе с первым снегом, грезы,
Зажглись в душе, как торжество,
Ей не страшны зимы угрозы,
Зимой согреет — Рождество.

Желанный гость в гостинной елка,
Традиционный зимний бал,
Где море ласкового шелка,
«Дунайских волн» шумящий вал.

А в ночь, под Новый Год бывало,
Привычке юности верна,
У встречных имя узнавала,
Гадали так в те времена.

Девица с русскою душою,
Как каждый русский человек,
Любила тройки бег зимою,
Безбрежный, искрящийся снег.

Звон колокольцев под дугою,
Сливаясь с смехом молодым,
Будили ночи, сон зимою,
Под покрывалом снеговым.

Кругом зима с безмолвьем снежным,
Луна плывет средь облаков,
Земля и лес под пухом нежным,
Спят до весенних ярких снов.

Потом опять уж ожиданье,
Великий пост, теплее дни,
Конец зимы, апрель, свиданье,
В душе Пасхальные огни.

ВЕСНА.

Опять черемуха в цвету,
Подснежники в лесу,
Опять встречаю я весну,
Как девицу красу.

Вот прилетели уж грачи,
Их шум и брань в саду,
Теплее солнышка лучи,
В весеннем все в чаду.

Опять накинула фату,
На яблоневый сад,
Когда он с вишнями в цвету,
Как прежде — год назад.

Полна несдержанных страстей,
Вновь вешняя вода,
В стремленьях нет преграды ей,
Тесны ей берега.

Летят на север журавли,
Спешат к родным местам,
О, если-б с ними мы могли,
Вновь очутиться там.

И не смыкаю я очей,
В вечерней тишине,
Когда один лишь соловей,
Поет про счастье мне.

Но не люблю я тех людей,
Кто ищет тень весной,
Боится солнечных лучей,
Кто с темною душой.

Быстрее в жилах кровь течет,
Душа полна любви,
И все вокруг поет, поет,
Чудесный гимн весны.

Весна нам молодость дарит,
Хоть телом стар уж ты,
Когда опять в душе родит,
Иллюзии, мечты.

Как символ жизни! Ты весна,
Всегда в сердцах людей,
И этим смыслом жизнь полна,
Весна!! Ты чародей.

БЕРЕЗКА.

Мне в разлуке пришлось жить с тобою,
А разлука печальна всегда,
Ведь с березкой моею родною,
Прожил долгие в жизни года.

Ты как девушка юная в белом,
Была ласкова, нежна, стройна,
Своим белым пленительным телом,
Чаровала меня до пьяна.

Приходила к нам гостьей желанной,
В летний, радостный Троицын день.
На другую, в одежде нарядной,
Не смотрел я тогда на сирень.

Я грущу по тебе на чужбине,
А за радость уж прожитых лет,
Шлю Отчизне, растешь где поныне,
И тебе белоствольной, привет.

В ТЮРЬМЕ.

Снится мне девушка с черными косами,
С взглядом усталым в глазах,
Видно замучена тоже допросами,
Ночи проводит в слезах.

Я ее видел всего лишь однажды,
В страшном подвале тюрьмы,
Ах почему мне так стали ужасны,
Муки и боли твои.

Так-же с решеткой окно пред тобою,
Дверь под железным замком,
Ты мне родна своей горькой судьбою,
В мире суровом и злом.

Снится тебе твоя молодость девичья,
Грезишь о счастье во сне.
А впереди только доля невольничья,
В сумраке, холоде, тьме.

Милая девушка, наши страдании,
Не пропадут без следа,
Там, на свободе родятся дерзании,
Вспыхнет святая борьба.

В ней будет победа, мы верим глубоко,
Как день настает после тьмы,
Когда распахнутся пред нами широко,
Холодные стены тюрьмы.

ВОИНАМ БЕЛОЙ АРМИИ.

Горел в груди огонь священный,
И сердце опалив мечтой,
Он звал и вел на бой победный,
За дело Родины святой.

И крест борьбы взяв добровольно,
Под тяжестью кровавых туч,
Вы крестный путь прошли достойно,
Девиз Ваш светел и могуч.

Но есть предел для всякой силы,
Вы оставляли за собой,
В полях безвестные могилы,
Едва прикрытые землей.

Кругом дымилися пожары,
Где Дон, Архангельск и Урал,
Погиб в боях у Краснодара,
Любимый всеми генерал.

Корнилов, верный сын России,
Гранатой русскою убит,
Свои убили, не чужие,
Убийц их совесть не простит.

Нашли здесь смерть еще герои,
Или в боях, или от ран,
О них дробилися прибои,
И страшный, красный ураган.

И свято в сердце ветеранов,
Дроздовский, Марков будут жить,
Среди дымящихся пожаров,
Их светлый образ не забыть.

Была страница злой измены,
Она как накипь ржавой пены,
Когда в Иркутске в В.Ч.К.
На смерть предали Колчака.

Кубань и Дон шумят о старом,
Гудит Сибирская тайга,
Что кровь пролили вы не даром,
Идя сквозь бури и снега.

Прошли года в тоске, в изгнаньи,
Сейчас уже вы старики,
А в час былых воспоминаний,
Как прежде, молоды, крепки.

ГЕРМАНИИ.

Тебя я видел всю в развалинах,
И сердце билося во мне,
При виде лиц нуждой задавленных,
Покорных все ж своей судьбе.

Я твой народ познал в несчастии,
Несчастен был ведь так же я,
Нас грело общее участие,
Родилась вера в нем моя.

Так верю я тебе Германия,
И в твой народ любящий труд,
Что сбросишь иго ты тирании,
Разрубишь узел твоих пут.

Ты грани все сотрешь позорные,
Что долго резали тебя,
И зоны все объединенные,
Опять сберет твоя земля.

Забудут все обиды бывшие,
Вражда какая меж людей,
Исчезнут войны, жизнь губившие,
Твоих прекрасных сыновей.

В семье народов, ты как равная,
Опять придешь на братский пир,
Жива в тебе страница славная,
Где Гёте, Шиллер твой кумир.

ВОСЕМНАДЦАТЬ.

Было их восемнадцать советских солдат,
Молодых, белокурых парней,
Что услышали жданный, призывный набат,
Там, в Берлине, в час жертвенных дней.

Смело бросили вызов тиранам они,
Отказались в восставших стрелять,
И не вспыхнули смертью из ружей огни,
Лучше честно самим умирать.

А потом перед строем читали приказ,
Разстрелять восемнадцать солдат,
Но луч веры в победу в душе не угас,
Когда грянул ружейный раскат.

Будем чтить восемнадцать безвестных могил,
Далеко от родимой земли,
Ведь их подвиг других на борьбу вдохновил,
Чтобы жить мы свободно могли.

Так без жертв не бывает с тираном борьбы,
И народ не забудет их кровь,
Была смерть их ответом на стоны, мольбы,
Тех, кто гибнет под гнетом оков.

Должен быть ты всегда благодарен,
Что дано тебе счастие — жить,
И земной твой путь будет отраден,
Если светочи будут светить.

Первый светоч в начале дороги,
Он к традициям предков чтоб звал,
А второй подсчитал бы итоги,
Твоей жизни, он твой идеал.

В СИБИРИ.

Там, где Тобол в Иртыш впадает,
Стоит Тобольск, старинный град,
Про Ермака песнь вспоминает.
Его конец у здешних врат.

Над градом там гора крутая,
С собором белым и тюрьмой,
В одном где кротость неземная,
В другой тяжелый грех земной.

Сей город дал нам великана,
Здесь Менделеев был рожден,
Чей гений вне родного стана,
Признаньем общим утвержден.

Мы не забудем в драме страшной,
Этап тернистого пути,
Царя к Голгофе столь ужасной,
Когда Тобольск пришлось пройти.

Бегут на Север дальше воды,
Реки могучей Иртыша,
Чтобы достичь морской свободы,
В слияньи с Обью, не спеша.

Там дальше тянется навстречу,
С Урала мощная рука,
Ее названье здесь замечу,
Зовется Сосьвой та река.

А там далеко с парохода,
Ты видишь средь лесного свода.
Старинный, беленький собор,
Что так ласкает русский взор.

Березов город-деревушка,
Здесь в ссылке Меньшиков почил,
Где также старый храм-церквушка,
Его останки приютил.

На Север дальше мчатся волны,
Пройдя Мужи и Сале-Хард,
Когда у океанских врат,
Они так счастьем своим полны.

ДВА СЛОВА.

«Прощай», «прощай» всего два слова,
Мы расставаясь говорим,
Нам жизнь не даст уж встречи снова,
Друг другу все с тобой простим.

Но ты пойми их все значенье,
Ты силу этих слов пойми,
За все обиды дай прощенье,
Без тени злобы, чтоб уйти.

Великий дар здоровье наше.
Дарован свыше нам судьбой,
И с ним бедняк богаче даже,
Царя с надломленной душой.

Тебе желаю быть здоровым,
Встречаясь, «Здравствуй» говоря,
И тем же нашим русским словом,
Тепло приветствуешь меня.

Ведь в двух словах так много силы,
Так много смысла, красоты,
Чтоб их всегда произносили,
Друзей встречая, я и ты.

СНЫ.

Здесь ночью счастлив я бываю,
Свой день без радости прожив,
В отрадных снах когда витаю,
И всю действительность забыв.

То снится мне Нева с мостами,
То Днепр с Владимиром Святым,
То выси гор под облаками,
То нива с колосом златым.

То снятся мне родные лица,
Прошедшей юности, мой друг,
То мной любимая девица,
То наш семейный отчий круг.

Судьбою видно предрешено,
Что лишь во сне, не на яву,
Могу быть рад непринужденно,
Что вновь на Родине живу.

Но ночь волшебница проходит,
Рассвет без радости встает,
И мысль в тумане снова бродит,
Как день средь чуждого пройдет.

И будут течь так дни, недели,
Среди чужих, в чужой стране,
Как будто песнь свою пропели,
Не знаю я по чьей вине.

Здесь каждый с русскою душою,
Имеет в сердце уголок,
Где искра теплится с мечтою,
Что час заветный недалек.

Тот час желанного возврата,
Домой, к родимым берегам,
Где брат, родного встретит брата,
Домой, к погасшим очагам.

ДУМЫ ЗДЕСЬ.

Здесь в солнечном далеком Сан Франциско,
Средь улиц шумных, в зареве огней,
Я вспоминаю то, что сердцу близко,
Что было там, на Родине моей,

Что пальма мне в сравнении с сосною,
А бунгало не радует меня,
Здесь степи нет с ковыльною волною,
Не льется песнь, сердечностью звеня.

Мне не забыть твоих избушек серых,
Лесного бездорожья не забыть,
На солнце нив твоих безбрежных, спелых,
И Русское, как все мне не любить.

Везде куда судьба меня не бросит,
Душа и сердце только для тебя,
Они ведь в жизни ничего не просят,
Тоской одной лишь по тебе скорбя.

МАТЬ И РОДИНА.

Есть чувства два неповторимых,
Нам от рожденья, что даны,
Два слова есть незаменимых,
Они святыми названы.

Родная мать для нас едина,
Я жадно льнул к ея груди.
Земля родная греет сына,
И бережет его в пути.

Я не забуду этих ласок,
В груди живут они всегда,
Как сновиденья чудных сказок,
Со мной идут чрез все года.

Пусть будут стыд, позор уделом,
Кто им обеим изменил,
Над ними крест поставил мелом,
Тот лучше право бы не жил.

МОИМ ТЕТРАДЯМ.

Старые, серые, милые,
Тетради с листами души,
Я сохраню вас любимые,
В час бури, в грозе и в тиши.

Стали друзьями мне верными,
Как зеркало дум и страстей,
Рифмами стих соразмерными,
Как песнь прозвучит вам нежней.

То петь он вам будет про горе,
То верность России, Любовь,
Про лес и про степь и про море,
Про буйную русскую кровь.

Подуют смерчи ветровые,
Что женщина бросит в меня,
В них боли и сны золотые,
Как жить на земле не любя.

Когда одинокие думы,
Приходят в ночные часы,
В тетрадях знакомые шумы,
Я слышу из тьмы полосы.

В какой раз, не знаю, нет счета,
Читаю я снова листы,
И нет одиночества гнета,
Друзьями живете мне, вы.

ЗНАКОМЫЕ ОКНА.

Серый, маленький дом за оградой,
Так знакомы два милых окна,
Где часы мне бывали отрадой,
И на сердце была тишина.

Если окна бывали открыты,
То за ними бывала она,
Но грядущее мраком покрыто,
Вдруг внезапно из дома ушла.

Помертвел дом и ставни закрыты,
Вместо окон, слепые глаза,
Что прошло, то не будет забыто,
Лишь из сердца струится слеза.

Проходя мимо, горечь утраты,
Вместе с холодом я ощущал,
На душе, от рыданий раскаты,
Понемногу в себе заглушал.

Неизвестность над нами простерта,
Так же вдруг в дом вернулась она,
Все недавнее в памяти стерто,
Снова смотрят два милых окна.

СОЗВУЧИЕ.

Своею поступью несложной,
Идут мои года,
И только лиры звук тревожный,
Поет мне иногда.

Когда душа опять в тревоге,
Струну заденет вдруг,
То лира в трепетном аккорде,
Откликнется на звук.

Душа, стихи — столь неразлучны,
И в рифмах и в страстях,
Печалью, Радостью созвучны,
Живут в моих строфах.

О ТЕБЕ. (А. М. Я.)

Про тебя не скажу я словами,
Так банальны для чувства они,
Ты проходишь ажурными снами,
Зажигая в лампадах огни.

Ты живешь в подсознательным мире,
И влечешь мои мысли к себе,
Ты скользишь над землею в эфире,
В голубой, поднебесной волне.

А я странник земной и усталый,
Пред огнями в лампадах стою,
И в молитве моей запоздалой,
Тебе песню святую пою.

❦

Посеребрили голову года,
Она идет к тебе, ты строже,
И в серебре ты царственно горда,
И на царицу ты похожа.

Когда сребро заменит прежний цвет,
Цвет спелой ржи, или каштана,
Ты излучаешь нежный, тихий свет,
И мне попрежнему желанна.

Из жизни перечитанных страниц,
Впитала ты очарованье,
Легко свершился переход границ,
С копной каштановой, прощанье.

Пусть лунно серебрится голова,
Душа все та же, молодая,
И жаждешь ты Адамова жена,
Испить запретное из Рая.

ПОКОЙНОЙ НОЧИ.

Спи моя милая сном безмятежным,
После молитвы твоей,
Кто-то вокруг тебя веером нежным,
Веет как твой чародей.

В сказке волшебной, ночной, как земные,
Будут вести разговор,
Сны легкокрылые, сны голубые,
Свяжут ажурный узор.

Встретятся ласки и думы земные,
С ними столкнутся в упор,
Шопоты губ и улыбки немые,
В сомкнутых веках твой взор.

Там бы стоять мне в твоем изголовье,
Твой охраняя покой,
Веером тихо в ночное безмолвье,
Веять любящей рукой.

ОСЕНЬ ЖЕНЩИНЫ.

Поклонник пылкий я весны,
Люблю закат осенний,
В нем краски резки и полны,
И ранних плод цветений.

Как осень, женщина порой,
В сентябрском расцвете,
Горда сознательно красой,
В своем прошедшем лете.

Люблю вдыхать я аромат,
Осеннего заката,
И только грустно сознавать,
Что к лету нет возврата.

ЦВЕТОК.

Мне нежданно в пути повстречался,
Так недавно прекрасный цветок,
Он приветливо мне улыбался,
Собираясь дарить лепесток.

Очарованный встал я любуясь,
И не в силах его был сорвать,
Пусть растет для других, он красуясь,
Мне довольно им только дышать.

Про его я так думал цветенье,
Сколько радости в нем и тепла,
А в душе уже шло опьяненье,
Эгоизмом рука изошла.

Был прекрасный он весь в моей власти,
Была власть над моей же рукой,
Нет! Расти и красуйся для счастья,
Лепесток лишь возьму голубой.

ОЧАРОВАНИЕ.

Ты вся из звуков вдохновенья,
Очаровательный узор,
И моя лира в песнопеньи,
Поет тебе хвалебный хор.

Ты создана из дивных красок,
И речь твоя прекрасный стих,
Ко мне пришла из старых сказок,
В желаньях чистых и благих.

Напиток чудный из нектара,
Я пью его — вино богов,
Мне душно в пламени пожара,
И в звоне огненных стихов.

«ЛОРЕЛЕЯ».

Холодный гранит омывает волна,
Златого, волшебного Рейна,
И звуков таинственно, чудно полна,
Струится вода сине-змейно.

Скала «Лорелея» и нимфа одним,
В преданьях записаны словом,
И видит скала: из холодных глубин,
Как мертвые смотрят с укором.

Что страстная песня прекрасной из дев,
Им смерть, вместо ласки дарила,
И зноя любви испытать не успев,
Волна их на дно уносила.

Так пела призывный свой нимфа напев,
Живя на скале «Лорелея»
И страсть обещала, пожары утех,
Желаньем к пловцам пламенея.

Но гибли пловцы, за обещанный зной,
Что слышали в страстных мотивах,
В воде под скалой находили покой,
В безвестных, холодных могилах.

О чем же мечтал неизвестный пловец,
Что слышал в напевах богини,
Богиня со смертным не свяжет сердец,
А брачное ложе — в пучине.

И много сказаний и в песнях, в стихах,
Про Рейн средь народа ведется,
И Гейне в поэме воспел Рейн в строфах,
Она «Лорелеей» — зовется.

ОНА И СОЛОВЕЙ.

Той, кто всех краше и милей,
В кустах перед окном,
Поет с любовью соловей,
Так нежно об одном.

Что одиноко он грустит,
Когда днем не поет,
Окно закрыто и молчит,
Но вечера вновь ждет.

И пусть чуть-чуть взойдет луна,
Воспрянет соловей,
В окне появится она,
Свиданье снова с ней.

Мой милый, бедный соловей.
Не плачь и не тоскуй,
Когда один, средь тусклых дней,
Ты жаждешь поцелуй.

Ты будешь петь, как и вчера,
Но не поймут тебя,
И птицам всем уже пора,
Петь людям, не любя.

О ДЕТСКИХ ИГРАХ.

Мне не играть уж больше в прятки,
И не гореть мне на лугу,
О них сейчас я лишь украдкой,
Немного помечтать могу.

А жизнь нам строила загадки,
И полустанки на пути,
И снова в жизни были прятки,
Горелки только больно жгли.

Но вот уж голова седая,
С усталым сердцем не играть,
Об играх детских, вспоминая,
Мне век свой легче доживать.

*

Тебя любить любовью нежной,
Обязан я.

Ты вся в одежде белоснежной,
И без пятна.

К святыне, лишь любовь святую,
Я принесу.

И без греха в тебе целую,
Твою красу.

Любовь есть жертва. И сжигая,
Жизни мосты.

В любви скажу я умирая,
Жила б лишь ты.

Тебе несу я эти чувства,
И не солгу.

Люблю пьянещее безумство,
Тебя одну.

Святыня, жертвенность и нежность,
Любовь моя.

И в мыслях, в сердце, моя верность,
У алтаря.

СВИДАНИЕ.

Уж больше нету тех часов,
Что нас с тобой вчера делили,
Как много мыслей, но без слов,
За это время нас пронзили.

Но вижу вновь и снова ты,
И как торжественна минута,
Ведь принесла ты с высоты,
Так много радости, уюта.

Ты снилась в радужном венце,
Была покорная, немая,
Сейчас я на твоем лице,
Читаю про блаженство рая.

❦

Моя милая! Сядь со мной рядом,
Я подвинусь поближе к тебе,
Залюбуюсь твоим я нарядом,
И сверканьем кольца на руке.

Жадно буду вдыхать так знакомый,
Аромат твой и запах духов,
И забудусь под сладкой истомой,
Не желая проснуться от снов.

Не вставай-же, останься на месте,
Посидим так с тобою часы,
Если встанем, так встанем уж вместе,
Бросив жизнь на златыя весы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ.

Уж последние версты бежал паровоз,
А на стрелках потом — разговор,
Позади оставались снега и мороз,
Впереди страстно-ищущий взор.

Потревоженным ульем вагон загудел,
За окном уж легла темнота,
Один вышел в проход, другой шапку одел,
Получилася вдруг теснота.

Прогремели колеса на стрелках, огни,
Машинист уже ход замедлял,
Вдруг в окне поплыли и толпа, фонари,
Скрип последний колес простонал.

Из вагонов все лил и струился поток,
Из встречавших стоял — волнорез,
Кто-то рядом толкал чемоданом мне в бок.
И с вопросом пустым кто-то лез.

Я увидел потом меховое манто,
И растерянно-ищущий взор,
Это была она, что ждала так давно,
Когда поезд пройдет семафор.

Уже руки обоих нас, вместе сплелись,
А навстречу потоку людей,
Звонко с Невского цепью трамваи неслись,
И светили дуги фонарей.

О ПРОШЛОМ.

Память в сердце моем сохранила,
Как шагал в наш век жуткий прогресс.
И машина бездушно губила,
Что осталось лишь только для грез.

Барский дом среди старого сада,
Вниз до Волги спускался обрыв,
Где в июле пленяла прохлада,
И дробился где бури порыв.

Расцветали фиалки весною,
И таился здесь ландыш у пня,
Дни за днями текли чередою,
Тишину и покой лишь храня.

А в саду было море сирени,
Ароматные липы цвели,
Часто слышали вечером тени,
Как влюбленные повесть вели.

Но пришли годы, царства машины,
Без фиалок, сирени и лип,
И безропотно гибли картины,
Изменяя природный свой лик.

И клонились к земле великаны,
Когда в корни врезался топор,
А земля, обнажив свои раны,
Посылала лишь людям укор.

И на месте старинного сада,
И обрыва, где ели росли,
Встала фабрики жуткой, громада,
Да я слышал рыданьи земли.

ГРИМАСЫ ЖИЗНИ.

Опять дорога предо мною,
Не знаю, где найду ночлег,
И так преследуем судьбою,
Живет на свете человек.

А жизнь была полна, как чаша,
Но налетел вдруг ураган,
Знать на песке стоит жизнь наша,
Готовя часто нам обман.

Кто верил в то, что буду нищий,
Имея посох, да мешок,
Что одинок на свете, лишний,
Да ведь под жизнью был песок.

Пусть наша жизнь бывает шатка,
Ее с восторгом я люблю,
Всегда мне встреча с утром сладка,
За жизнь, Творца благодарю.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Looch Printing and Publishing Co.
1520 Divisadero St. WE 1-3572 San Francisco